

Научная статья / Research Article

УДК 94 (571) “192/193”

DOI: 10.36718/2500-1825-2023-4-184-196

Виктор Иванович Исаев

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

history49@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В СИБИРИ (1928–1937): НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Целью исследования является изучение социальных аспектов форсированной индустриализации в годы первых пятилеток на материалах Сибирского региона. При этом предполагается кратко обозначить некоторые итоги и перспективы исторических исследований по данной проблематике. Основу методологии исследования составляет теория модернизации, дополненная традиционными историческими методами. Источниками изучения проблематики статьи являются статистические и иные материалы, опубликованные в научной и периодической печати исследуемого периода, а также публикации историков по исследуемой теме. Территориальные рамки включают территорию Сибирского края в административных границах 1925 г. В годы первых пятилеток в СССР была осуществлена ускоренная индустриализация, ставшая частью общего процесса модернизации страны. Правившая большевистская партия рассматривала этот процесс как строительство социализма, основой которого должна была стать современная индустрия, а в социальной структуре общества преобладать рабочий класс. Соответственно, в социальной политике ставилась задача обеспечения быстрого роста жизненного уровня и культуры рабочих. Однако ориентация на проведение индустриализации в короткие сроки, сосредоточение всех ресурсов на создании тяжелой промышленности привели к серьезному отставанию социальной сферы, выразившемуся в снижении реальной зарплаты рабочих, дефиците товаров массового спроса, жилищном кризисе. Реальная зарплата сибирских рабочих в годы первых пятилеток сократилась примерно на треть, средние показатели жилой площади на человека в сибирских городах упали до двух-трех квадратных метров. Изучение истории осуществления форсированной индустриализации в годы первых пятилеток интенсивно развивалось в исследованиях историков и экономистов в советское время, однако при этом социальные аспекты индустриализации освещались недостаточно в силу идеологических причин. Только в постсоветской историографии наметились серьезные сдвиги в изучении данной проблематики.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, социальные аспекты индустриализации, номинальная и реальная зарплата, жилищное положение, снабжение населения, советская и постсоветская историография

Для цитирования: Исаев В.И. Социальные аспекты индустриализации в Сибири (1928–1937): некоторые итоги и перспективы исторических исследований // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 4. С. 184–196. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-4-184-196.

Viktor Ivanovich Isaev

Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
history49@mail.ru

**SOCIAL ASPECTS OF INDUSTRIALIZATION IN SIBERIA
(1928–1937): SOME RESULTS AND PROSPECTS OF HISTORICAL
RESEARCH**

The purpose of research is to study the social aspects of forced industrialization during the years of the first five-year plans using materials from the Siberian Region. At the same time, it is intended to briefly outline some results and prospects of historical research on this issue. The basis of the research methodology is the theory of modernization, supplemented by traditional historical methods. The sources for studying the problems of the paper are statistical and other materials published in the scientific and periodical press of the period under study, as well as publications of historians on the topic under study. The territorial framework includes the territory of the Siberian Region within the administrative boundaries of 1925. During the years of the first five-year plans, accelerated industrialization was carried out in the USSR, which became part of the general process of modernization of the country. The ruling Bolshevik Party viewed this process as the construction of socialism, the basis of which was to be modern industry, and the working class to predominate in the social structure of society. Accordingly, social policy set the task of ensuring rapid growth in the living standards and culture of workers. However, the focus on carrying out industrialization in a short time and the concentration of all resources on the creation of heavy industry led to a serious lag in the social sphere, expressed in a decrease in the real wages of workers, a shortage of consumer goods, and a housing crisis. The real wages of Siberian workers during the first five-year plans fell by about a third, and the average living space per person in Siberian cities fell to two to three square meters. The study of the history of the implementation of forced industrialization during the years of the first five-year plans was intensively developed in the research of historians and economists in Soviet times, but the social aspects of industrialization were not sufficiently covered due to ideological reasons. Only in post-Soviet historiography have there been significant changes in the study of this issue.

Keywords: modernization, industrialization, social aspects of industrialization, nominal and real wages, housing situation, supply of the population, Soviet and post-Soviet historiography

For citation: Isaev V.I. Social aspects of industrialization in Siberia (1928–1937): some results and prospects of historical research // Socio-economic and humanitarian journal. 2023. № 4. S. 184–196. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-4-184-196.

Введение. Ключевой задачей создания социалистического общества в России, проектируемого большевистской партией, вставшей в 1917 г. во главе государства, стала индустриализация страны. Сибирь в этих планах занимала особое место. Являясь аграрной малонаселен-

ной окраиной страны, она, тем не менее, имела важное геостратегическое значение. Во-первых, как регион, отдаленный от предполагавшихся военных действий в случае нападения со стороны враждебных капиталистических стран Европы, Сибирь должна была сыграть роль тыло-

вой территории, способной обеспечить воюющую армию и выживание Российского государства. Во-вторых, промышленное освоение региона должно было закрепить продвижение России в восточном направлении и обеспечить ее способность к сопротивлению в случае агрессии с Востока. В-третьих, задача освоения богатых запасов природных ресурсов Сибири, использования их в народном хозяйстве страны также требовала резкого роста промышленности в регионе.

В процессе индустриализации, помимо радикальных изменений в экономике, происходили существенные перемены в социальной сфере: менялась социальная структура населения, среда обитания человека; изменялся и сам человек, его образ жизни. Экономические преобразования в ходе индустриализации 1930-х гг. активно исследовались историками и экономистами практически с начала ее практического осуществления и вплоть до настоящего времени. Однако в течение долгого времени социальная сторона форсированной индустриализации исследовалась в меньшей степени, тому были определены причины, которые мы рассмотрим ниже.

Цель исследования. Рассмотреть основные результаты форсированной индустриализации в социальной сфере на материалах Сибирского региона, а также кратко обозначить некоторые итоги и перспективы исторических исследований по данной проблематике.

Материалы и методы исследования. Основу методологии исследования составляет теория модернизации, рассматривающая переход от традиционного аграрного общества к индустриально-урбанистическому, дополненная традиционными методами исторического исследования.

Источниками изучения проблематики статьи являются статистические и иные материалы, опубликованные в научной и периодической печати исследуемого периода, а также публикации историков по исследуемой теме.

Хронологические рамки охватывают период первых довоенных пятилеток. Территориальные рамки включают территорию Сибирского края в административных границах на 1925 г., позднее разделенную на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе индустриализации Сибири за годы первых пятилеток, благодаря самоотверженному труду советских людей, был создан колоссальный экономический потенциал. За 1928–1940 гг. выработка валовой продукции предприятий тяжелой индустрии Сибири возросла в 9 раз, в том числе черной металлургии – в 152 раза, металлообработки – 32, электроэнергетики – 30, строительных материалов – 17, добычи каменного угля – в 8 раз. Удельный вес отраслей, производящих средства производства, в промышленности Западной Сибири возрос с 1/3 в 1928 г. до 2/3 в 1937 г. В Красноярском крае доля предприятий тяжелой индустрии составила 65,7 %, в Иркутской области – 62 %.

Выполнение первых пятилетних планов позволило создать на востоке страны вторую топливно-металлургическую базу экономики СССР. При этом промышленность в Сибири развивалась более быстрыми темпами, чем в целом по стране. Если за первые две пятилетки валовая продукция крупной промышленности СССР выросла в 5 раз, то в Сибири – в 9 раз. В результате более быстрого развития Сибири ее удельный вес в промышленном производстве РСФСР неуклонно увеличивался. В общереспубликанской валовой продукции промышленности доля Сибири выросла с 2,7 % в 1913 г. до 5,1 % в 1937 г. [1, с. 732].

Для осуществления таких грандиозных преобразований необходимы были люди, способные по своим навыкам и квалификации успешно трудиться в промышленном производстве. Однако к началу первой пятилетки социальная база для проведения индустриализации в Сибири была довольно слабой: основная

часть населения (по переписи 1926 г. около 87 %) проживала в сельской местности и, соответственно, не имела навыков индустриального труда. По данным Сибирской советской энциклопедии, в 1926 г. в сельском хозяйстве Западной Сибири было занято 90,2 % самодеятельного населения, то есть работающего, в Восточной Сибири – 81,5 % [2, с. 689]. Поэтому квалифицированные кадры для промышленности предстояло завозить из индустриальных центров европейской части России, а основную часть рабочих рекрутировать из сибирской деревни и обучать уже в ходе производства.

Сибирская деревня стала основным источником для формирования рабочего класса в Сибири. По данным профсоюзной статистики, на промышленных предприятиях Западной Сибири в 1930 г. в составе новых рабочих выходцы из крестьян составляли 80 %, в 1931 г. – 88, в 1932 г. – 85 %. В целом за годы первой пятилетки около 80% новых пополнений рабочего класса Сибири приходило из деревни. В годы второй пятилетки этот показатель несколько снизился (примерно до 60 %), но, тем не менее, деревня продолжала давать основную долю в пополнении рядов рабочего класса. Особенно высока была доля выходцев из села на стройках новых индустриальных гигантов. На строительстве Кузнецкого металлургического комбината доля крестьян в пополнении трудового коллектива достигала в эти годы 90 % [3, с. 86–87].

В общем пополнении населения городов Западной Сибири, прибывшем в течение 1926–1937 гг., мигранты из сельской местности составили 68,5 %. При этом доля выходцев из других несибирских территорий составила только около 20 %, в основном поток переселенцев шел из сибирских деревень [4, с. 95].

За годы форсированной индустриализации в Сибири существенно изменился социальный состав населения, быстро развивался рабочий класс, увеличилась прослойка служащих. При этом увеличение численности индустриального насе-

ления в Сибири шло опережающими темпами. Только за годы первой пятилетки общая численность рабочих и служащих на предприятиях народно-хозяйственного комплекса Сибири выросла почти в 7 раз, а в целом по стране – 2,6 раза. К концу второй пятилетки численность рабочих и служащих в Сибири достигла почти 2,5 млн человек [5, с. 233].

Одним из главных следствий форсированной индустриализации стало изменение социального облика человека и общества. Социальная структура населения Сибири за годы первых пятилеток кардинальным образом была перестроена. Сравнение данных Всесоюзных переписей населения в 1926 и 1939 гг. показывает, что за относительно короткий период произошли существенные перемены в составе населения Сибирского региона. Если в середине 1920-х гг. горожане составляли только 12,8 % населения Сибири, то к концу тридцатых годов XX века доля городского населения достигла 31,3 %. К началу Великой Отечественной войны городское население Сибири увеличилось еще более чем на полмиллиона и достигло 33,1 % в составе населения региона [6, с. 35].

В составе городского населения Сибири доля рабочих и служащих, то есть городских слоев, наиболее тесно связанных с индустриально-урбанистическими формами труда, возросла за эти годы с 54 до 92 %. При этом опережающими темпами росла доля рабочего класса: в 1939 г. она выросла до 62 %, более чем вдвое по сравнению с 27 % в 1926 г., в то время как доля служащих (около 30 %) почти не изменилась [5, с. 233].

Одним из важных социальных аспектов индустриализации стало активное вовлечение женщин в промышленное производство. Наряду с выявившейся нехваткой человеческих ресурсов города для обеспечения бурного роста промышленности вовлечение женщин в производство объяснялось и низкой зарплатой рабочих, которой зачастую

не хватало для обеспечения семьи в случае занятости только мужчин. При этом женщинам приходилось отрабатывать не только на производстве, но и дополнительно «вторую смену» дома. По данным опросов рабочих, в 1931 г. на домашний труд рабочие-мужчины тратили 1,42 ч в день, а работающие женщины – 4,7 ч [7, с. 169].

В результате роста рабочих мест в сфере промышленности и целенаправленной работы государственных и общественных организаций по вовлечению женщин в промышленное производство доля работниц в составе трудовых коллективов предприятий крупной промышленности Западной Сибири возросла до 24 % в 1931 г., а в начале первой пятилетки она не достигала и 10 %. В целом в сфере промышленности СССР доля женщин в составе рабочего класса составляла в 1933 г. около одной трети [8, с. 19]. В составе рабочего класса Сибири за годы второй пятилетки доля женщин с 25 % в 1932 г. выросла до 30 % к 1937 г. [9, с. 48].

Несмотря на очевидные издержки этого процесса, прежде всего, повышенной трудовой нагрузки на женщину, которая продолжала нести основное бремя обязанностей в семье, в силу сохранения в основном традиционного распределения гендерных ролей, вовлечение женщин в промышленное производство в конечном счете соответствовало прогрессивным переменам в направлении эмансипации женщин и установлению равноправия полов.

Советские историки активно исследовали процесс формирования рабочего класса и изменений в социальной структуре общества, однако поставленные идеологические рамки ограничивали диапазон возможных вопросов и выводов [10, 11, 12]. На материалах Сибири эту проблему наиболее полно раскрыл А.С. Московский [13, 3].

В целом приходится сделать вывод, что в советской историографии рассмотрение социальных последствий индустриализации осуществлялось с идеоло-

гизированных позиций "воспевания" роста рабочего класса как одного из главных достижений в строительстве социализма. При этом освещались, прежде всего, количественные параметры роста рабочего класса, а качественные характеристики в основном оставались вне поля зрения.

Неотъемлемой частью истории индустриализации Сибири в годы первых пятилеток является масштабное применение принудительного труда для строительства промышленных предприятий в неблагоприятных в климатическом отношении зонах, а также массовое его использование и на действовавших предприятиях, особенно в сфере неквалифицированного и тяжелого труда. Наряду с политико-экономическими аспектами этой проблемы очевидна и необходимость изучения ее в плане социальных последствий.

Система ГУЛАГа стала одним из важнейших инструментов промышленного освоения Сибири в 30-е гг. XX века. Лагеря и колонии Сибири и Дальнего Востока поглощали значительную часть осужденных по уголовным и политическим делам: в 1930-х гг. на их долю приходилось более трети всех заключенных в СССР.

В советское время эта тема была наглухо закрыта, а в постсоветской историографии данная проблема стала активно исследоваться. Достаточно полно на материалах Кузбасса эту тему исследовал Р.С. Бикметов [14].

Для понимания социальных аспектов индустриализации в СССР необходимо отметить существенные отличия ее советского варианта от того, как проходила индустриализация в странах, относившихся к первому эшелону модернизации. Там вначале ускоренными темпами развивалось производство потребительских товаров, а затем подтягивалось и тяжелая промышленность. Большевистская партия, руководствуясь марксистским тезисом о ведущей роли средств производства, сделала

упор на опережающее развитие тяжелой индустрии.

Резкий перенос всех сил и ресурсов в создание тяжелой индустрии привел к кризису потребительского рынка и тотальному дефициту товаров массового потребления, значительному снижению уровня жизни не только городских слоев населения из рабочих и служащих, но всего населения СССР. При рассмотрении данной проблематики внимание исследователей обычно сосредоточено на таких вопросах, как заработная плата рабочих и служащих, жилищное положение городского населения, снабжение его товарами массового потребления, состояние коммунально-бытовой инфраструктуры городов и рабочих поселков.

Определенная работа по изучению таких вопросов уже проделана сибирскими историками. В опубликованных научных трудах констатируется, что за годы первой пятилетки номинальная заработная плата сибирских рабочих увеличилась почти вдвое. В 1932 г. зарплата рабочих в крупной промышленности Западной Сибири составила 194,9 % по отношению к 1928 г., в строительстве – 183,7, на транспорте – 203,9 %. Ускоренный рост номинальной заработной платы рабочих продолжался и в годы второй пятилетки. В 1932 г. среднемесячная зарплата рабочих Восточно-Сибирского края составляла 117,3 руб., а в 1934 г. уже 156,5 руб. В 1937 г. зарплата шахтеров Кузбасса достигла 286 руб., что составило 198,6 % по отношению к 1933 г. К концу второй пятилетки средняя зарплата рабочих составляла в среднем от 200 до 325 руб. в месяц.

Однако высокие темпы роста номинальной заработной платы рабочих не могли предотвратить снижение реального уровня жизни в эти годы. Быстрый рост цен, дефицит товаров массового спроса и необходимость их покупки на «черном» рынке приводили к снижению реальных доходов. По оценкам современных исследователей, реальная зарплата рабочих в годы первых

пятилеток составляла в лучшем случае около 2/3 от уровня 1928 г. [15, с. 52–54].

О снижении уровня жизни в период форсированной индустриализации 1930-х гг. можно судить также по высокой доле затрат на питание в структуре семейных бюджетов. При благополучной ситуации доля этих затрат обычно варьируется в пределах до одной трети всех расходов. По данным обследований бюджетов рабочих и служащих Сибири, в годы первых пятилеток доля расходов на питание повысилась до половины и более всех расходов [15, с. 56–58].

Качество и уровень жизни городского населения Сибири в годы довоенных пятилеток определялись наряду с другими факторами наличием товаров и услуг, которые предлагались в системе государственной, кооперативной, частной торговли, а также на колхозном или стихийном «черном» рынке. С развертыванием индустриализации обострился дефицит товаров, что обусловило переход к их нормированному распределению. В 1929 г. для городского населения была введена карточная система приобретения дефицитных товаров, прежде всего, продуктов питания. В течение 1929–1930 гг. практически все виды товаров массового спроса стали распределяться по карточкам.

Советское государство проводило политику разделения людей на различные категории по уровню снабжения. Среди прикрепленных к системе снабжения проведена дифференциация по признакам участия в труде, его важности, членству в потребительской кооперации: в первую категорию включены рабочие – члены потребительской кооперации, во вторую – остальные рабочие, в третью – служащие-пайщики кооперации, в четвертую – иждивенцы, дети и все остальные. Позднее, с 1931 г., была введена система списков: люди включались в тот или иной список в зависимости от социальной принадлежности и важности предприятий, на которых они работали.

Снабжение крупных промышленных центров являлось приоритетным.

Кроме того, важные с точки зрения государства категории людей или отдельные стройки, регионы получали особый статус снабжения. Так, в Кузбасс в начале 1930-х гг. направлялось от 50 до 60 % продуктов питания, распределяемых в Западно-Сибирском крае [15, с. 68].

Установленные нормы снабжения на бумаге выглядели не так уж плохо: рабочему в 1931 г. по нормам Наркомата снабжения полагалось 800 г хлеба в день, 4,4 кг мяса в месяц, 2,5 кг рыбы, 400 г масла, 1 кг муки и 3 кг крупы, 10 штук яиц, 1,5 кг сахара [16, с. 23]. Однако в действительности эти нормы не соблюдались. Поступавших товаров, как правило, оказывалось недостаточно для всех, имевших карточки, поэтому ожидание в очередях, сокращение норм выдачи, просроченные и неотоваренные карточки стали постоянными спутниками нормированного снабжения. По данным опросов потребителей и по сведениям Наркомата снабжения, выдачи по карточкам обеспечивали лишь от трети до половины действительных потребностей. Все это, как и униженное положение покупателей, длинные очереди, грубость продавцов, делало покупку товаров одной из самых неприятных проблем городского быта в первой половине 1930-х годов.

Советские историки, воспевая успехи социалистической индустриализации, практически не упоминали о ее социальных издержках – снижении уровня жизни, остром жилищном кризисе, дефиците потребительских товаров, росте производственного травматизма и других негативных явлениях, ставших оборотной стороной быстрых темпов промышленного строительства. Поэтому упорно декларировался «неуклонный рост благосостояния» рабочих, но серьезных исследований этой проблемы не проводилось.

Подобная же ситуация существовала и в сибирской историографии. На завершающем этапе советской эпохи, когда стало возможным затрагивать и ранее закрытые проблемы, обобщающую кар-

тину быта рабочих Сибири попытался дать в своей монографии автор настоящей статьи [17]. В исследование наряду с материальными аспектами быта были включены и такие социальные аспекты индустриализации, как изменения модели устройства быта, формирование новой семьи и равноправных отношений между полами, внедрение и распространение форм потребления культуры в свободное время. Однако многие вопросы в силу специфики и недостаточности источников автору не удалось раскрыть в полной мере.

К настоящему времени изучение быта и материального положения рабочих Сибири в годы первых пятилеток далеко не завершено и нуждается в дальнейшем всестороннем изучении; целый ряд вопросов, как, например, динамика реальной заработной платы, структура семейных бюджетов и многие другие, исследованы очень слабо.

В постсоветское время прорывное значение на данном направлении исторических исследований приобрели работы московской исследовательницы Е.А. Осокиной, написанные в основном на материалах центральной части России. Ей удалось подробно показать проблемы дефицита товаров и услуг в годы первых пятилеток, организацию снабжения населения товарами массового спроса и устройство карточной системы и в итоге выявить тенденции серьезного ухудшения уровня жизни рабочих и служащих [18].

Одним из важнейших социальных аспектов индустриализации является ее влияние на жилищное положение населения. Особенно глубоким воздействие форсирования процессов индустриализации на жилищное положение рабочих оказалось в Сибири, так как строительство многих промышленных предприятий приходилось начинать на необжитых территориях при отсутствии подготовленной базы для расселения персонала. Ускоренный рост городского населения, обусловленный индустриализацией, при недостаточных масштабах жилищного

строительства приводил к острому жилищному кризису в городах Сибири.

К началу развертывания индустриализации в Сибири обеспечение жильем городского населения уже выглядело плачевным, и оно было хуже, чем в центральной части страны. На одного жителя в городах Сибири приходилось в 1926 г. только 4,82 м² жилой площади, в то время как в среднем по стране этот показатель составлял 5,86 м².

В условиях форсированной индустриализации рост численности городского населения значительно опережал ввод нового жилья. Так, если жилая площадь городов Кузбасса за 1927–1930 гг. выросла в 2 раза, то численность населения – почти в 3 раза. В итоге на начало 1931 г. здесь в среднем приходилось лишь 2,4 м² жилой площади на человека. Не лучше обстояло дело и в Восточной Сибири, где в индустриальных районах на человека приходилось 2–2,5 м² жилья.

Особенно трудным оказалось жилищное положение рабочих на промышленных новостройках Сибири. Большинство строителей жили в бараках, землянках, палатках, шалашах. В бараках на строительстве «Сибкомбайна» в Новосибирске, например, в 1930 г. на одного человека приходилось менее 2 м² жилья. В первые годы строительства Кузнецкого металлургического комбината 95 % рабочих жили в бараках и землянках. В 1932 г. в Новокузнецке на одного человека приходилось 1,27 м² жилплощади, только 47,9 % рабочих были обеспечены хоть какой-то жилплощадью от предприятия, остальные проживали в частном секторе, близлежащих деревнях и т.п.

За годы первой пятилетки в условиях быстрого роста городского населения происходило постоянное снижение показателей обеспеченности жильем рабочих. В городах Западной Сибири на одного жителя в 1929 г. приходилось 4,2 м² жилья, а в 1932 г. уже 3,6 м². Во второй половине 1930-х гг. жилищный кризис в городах Сибири продолжал обостряться. Среднедушевая обес-

печенность жильем в Сибири оставалась очень низкой. В 1937 г. в Новосибирске на одного жителя приходилось 3,2 м² жилой площади, в Новокузнецке, Кемерово, Анжеро-Судженске – 3,1, в Красноярске – 2,8, в Ленинске-Кузнецком – 2,5 м² [19, с. 62–81].

Проблемы жилищного положения рабочих и в целом городского населения освещались в советской историографии, однако реальной картины жилищного кризиса советские историки не могли показать, ограничиваясь статистикой жилищного строительства, выглядевшей вполне внушительно, если не обращать внимания на среднедушевые показатели обеспеченности жильем. В постсоветский период историографии историки уже смогли более объективно показать жилищное положение городского населения, не умалчивая о кризисных явлениях в этой сфере [19, 20].

Одним из важных социальных последствий индустриализации Сибири стало развитие инфраструктуры городов, создание сети коммунально-бытовых предприятий. В данной статье мы не будем рассматривать эти сюжеты, отметим только необходимость их исследования при изучении социальных аспектов индустриализации.

В настоящее время исследование социальных аспектов индустриализации довольно часто ведется историками, работающими в русле истории повседневности. Эти два направления вполне оправданно взаимно пересекаются и дополняются. Например, очень продуктивно работает по этой проблематике исследовательница из Магнитогорска Н.Н. Макарова. В ее научных трудах детальный анализ повседневности жителей Магнитогорска в годы первых пятилеток сочетается с глубокими теоретическими обобщениями [21]. Можно назвать и многих других исследователей, работающих на данном направлении (историографический анализ его потребует отдельного рассмотрения).

Если же говорить в целом об итогах и перспективах развития современной

историографии социальных аспектов индустриализации, то можно констатировать определенные успехи и сдвиги в изучении отдельных проблем. Открытие источников и снятие идеологического пресса предоставило широкие возможности для более объективного исследования социальных аспектов форсированной индустриализации в СССР. Прежде всего, изучаются такие проблемы, как материальное положение рабочего класса, переселение крестьян в город и их адаптация к индустриальному производству, развитие социальной инфраструктуры городов, движение населения под воздействием радикальных сдвигов в экономике.

В последние десятилетия стало больше появляться работ, непосредственно нацеленных на изучение социальных аспектов индустриализации. Результаты исследований представлены в многочисленных статьях [22], выходят отдельные монографии по теме [23]. Защищена серия диссертаций, в которых социальные последствия индустриализации рассматриваются на материалах различных российских регионов [24].

Наряду с положительным в целом развитием историографии в этом направлении можно отметить, что значительная часть молодых исследователей ограничиваются при рассмотрении данной проблематики вопросами заработной платы, жилищного положения, снабжения в условиях карточной системы и дефицита потребительских товаров и другими сторонами материального быта рабочих и служащих. Эти наиболее обеспеченные источниковой базой темы хорошо вписываются в формат кандидатских диссертаций. Но за пределами такого рассмотрения остаются такие важные и более широкие социальные последствия индустриализации, как изменения социальной структуры общества, тенденции и способы перехода значительной части населения к индустриально-урбанистическому образу жизни. Не получает достаточного исследования наличие противоречий и нега-

тивных явлений в позитивном в целом процессе перехода России от традиционно-аграрного общества к индустриально-урбанистическому.

Заключение. Процесс форсированной индустриализации в Сибири, развернувшийся в годы первых пятилеток, коренным образом изменил экономику и социальный облик населения региона. Доля промышленности в валом продукте народного хозяйства Сибирского региона за этот период удвоилась, возникли мощные гиганты индустрии. Социальные последствия индустриализации Сибири в годы довоенных пятилеток проявились в изменениях социального состава и образа жизни населения: резко выросла численность рабочих и служащих, более трети населения теперь было занято в отраслях индустриального труда.

Под влиянием индустриализации разворачивался процесс урбанизации региона: к началу сороковых годов XX века в Сибири более трети составляло городское население. Позитивные перемены происходили в развитии окружающей человека социальной среды: благоустраивались улицы городов, росли компоненты коммунально-бытовой инфраструктуры городов Сибири, создавались учреждения, бравшие на себя часть функций по обслуживанию быта.

В результате роста количества рабочих мест в промышленности и других отраслях народного хозяйства значительная часть женщин пополнила ряды рабочих и служащих, что способствовало процессу их эмансипации, формированию равноправных отношений полов.

В то же время форсирование процессов индустриализации, концентрация сил и средств на опережающем развитии промышленности в ущерб производству потребительских товаров и услуг приводили к существенным негативным последствиям в социальной сфере, в том числе к снижению уровня жизни населения, жилищному кризису и дефициту потребительских товаров.

Следствием стремления власти к ускоренному освоению природных ресурсов Сибири, в значительной части находящихся в необжитых, климатически экстремальных зонах, стало масштабное применение принудительного труда. Труд заключенных использовался и на многих промышленных новостройках, а также в профессиях тяжелого труда, прежде всего, в угольной и лесной промышленности.

В советской историографии социальные аспекты индустриализации не могли быть в полной мере исследованы в силу политико-идеологических ограничений. Историки рассматривали социальные изменения, происходившие под воздействием индустриализации, исключительно в позитивном плане. В постсоветский период открылись возможности для более объективного исследования данной темы. В качестве положительной тенденции в развитии отечественной историографии можно отметить, что в последние десятилетия наблюдается повышенный интерес исследователей к проблемам социальных аспектов индустриализации СССР в годы первых пятилеток.

Размышляя о позитивных и негативных итогах форсированной индустриализации Сибири в социальной сфере, нельзя не задаться вопросами: возможно ли было проведение модернизации в России без названных социальных издержек? Каковы были бы показатели развития страны без применения экс-

тремальных средств и методов, использовавшихся правившей большевистской партией и Советским государством?

В настоящее время набирает силу мнение, что в условиях рыночной экономики, без сосредоточения всех ресурсов и средств производства в руках государства, без применения мобилизационных методов индустриализации достижение таких сдвигов в экономике, которые наблюдались в 1930-е гг., было бы просто невозможно. Думается, что эта точка зрения во многом объясняется стремлением некоторых историков приспособиться к политической конъюнктуре. Такая позиция осознанно или неосознанно обусловлена современной политикой выстраивания властной вертикали и ужесточения государственного воздействия на экономику.

О влиянии политической конъюнктуры на выводы историков заставляет задуматься и то обстоятельство, что относительно недавно была популярна другая точка зрения: если бы удалось избежать революции 1917 г., то продолжение капиталистической индустриализации страны, начавшейся после реформ Александра Второго и имевшей определенные успехи в начале XX века, могло бы дать либо такие же, либо еще лучшие результаты. Очевидно, что объективный ответ на эти вопросы неизбежно потребует дальнейшей серьезной работы историков и экономистов по исследованию процессов модернизации России в XX веке.

Список источников

1. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2. 808 с.
2. Сибирская советская энциклопедия (ССЭ). М., 1932. Т. 3. 460 с.
3. Московский А.С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск: Наука, 1968. 300 с.
4. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 169 с.
5. История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. 1917–1937. Новосибирск, 1982. 425 с.
6. Урбанизация советской Сибири. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1987. 224 с.

7. Труд в СССР: стат. справ. М., 1932.
8. Профсоюзная перепись 1932–1933 гг. М., 1934.
9. Статистический справочник. М., 1936. № 4.
10. *Панфилова А.М.* Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки. М.: Изд-во МГУ, 1964. 176 с.
11. *Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг. М.: Мысль, 1976. 264 с.
12. *Шкаратан О.И.* Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (Историко-социологическое исследование). М.: Мысль, 1970. 472 с.
13. *Московский А.С.* Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири. 1920–1937 гг. Новосибирск: Наука, 1979. 349 с.
14. *Бикметов Р.С.* Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956). Кемерово: Кузбас. гос. техн. ун-т, 2009. 430 с.
15. *Исаев В.И.* Коммуна или коммуналка. Изменения быта рабочих Сибири в годы индустриализации. Новосибирск: Наука, 1996. 172 с.
16. *Осокина Е.А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.
17. *Исаев В.И.* Быт рабочих Сибири. 1926–1937 гг. Новосибирск: Наука, 1988. 241 с.
18. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». М.: РОССПЭН, 2008. 267 с.
19. *Букин С.С., Исаев В.И.* Жилищная проблема в городах Сибири (1920–1960-е годы). Новосибирск: Параллель, 2009. 197 с.
20. *Меерович М.Г.* Рождение и смерть жилищной кооперации. Жилищная политика в СССР 1924–1937 гг. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2004. 272 с. *Он же.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008. 300 с.
21. *Макарова Н.Н.* «В котле индустриализации»: повседневная жизнь Магнитогорска (1929–1941). Магнитогорск: Дом печати, 2014. 432 с.; *Она же.* Магнитогорск как социокультурный проект советской власти в 1930–1950-е гг. Магнитогорск: Дом печати, 2021. 532 с.
22. *Коровин Н.Р.* Особенности индустриализации России в 1930-е годы и их социальные последствия // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 4. С. 33–42; *Ким М.Ю., Кузоро К.А.* Социальная политика советской власти в 1930-е годы в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 5 (334). С. 64–67; *Фадеев Л.А.* Российская историография социальных аспектов советской индустриализации в годы первых пятилеток // Экономическая история. 2013. № 2. С. 56–62.
23. *Бадмаева Е.Н.* Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2010. 544 с.; *Грик Н.А.* Советская экономическая политика в 1921–1933 гг. (критический анализ). Томск, 2002. 334 с.; *Илюхов А.А.* Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда. 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с.; *Коровин Н.Р.* Индустриализация СССР в 1930-е годы. Иваново, 2001. 91 с.
24. *Жилина И.В.* Социальная политика Советского государства в 1930-е годы XX века: на материалах Среднего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005; *Иминохоев А.М.* История повседневности и динамика качества жизни городского населения Верхнеудинска/Улан-Удэ в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008; *Ким М.Ю.* Советская социальная политика в условиях индустриализации (1931–1941 гг.): на материалах Карагандинского угольного бассейна: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск. 2009; *Леонтьева Л.А.* Социальная политика Советского государства и ее реализация на Южном Урале

(1934–1940 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012; Семенова А.Ю. Социально-экономическое положение рабочих цензовой промышленности Вятской губернии/Куйбышевской области в 1928–1932 гг. Киров, 2012; Тюрин А.О. Социальная политика советской власти в 1928–1941 гг.: на материалах Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2003.

References

1. Istoricheskaya ehntsiklopediya Sibiri: v 3 t. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009. T. 2. 808 s.
2. Sibirskaya sovetskaya ehntsiklopediya (SSEH). M., 1932. T. 3. 460 s.
3. *Moskovskii A.S.* Formirovanie i razvitie rabocheho klassa Sibiri v period stroitel'stva sotsializma. Novosibirsk: Nauka, 1968. 300 s.
4. Naselenie Zapadnoi Sibiri v KHKH veke. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1997. 169 s.
5. Istoriya rabocheho klassa Sibiri. Rabochii klass Sibiri v period stroitel'stva sotsializma. 1917–1937. Novosibirsk, 1982. 425 s.
6. Urbanizatsiya sovetskoi Sibiri. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN, 1987. 224 s.
7. Trud v SSSR: stat. sprav. M., 1932.
8. Profsoyuznaya perepis' 1932–1933 gg. M., 1934.
9. Statisticheskii spravochnik. M., 1936. № 4.
10. *Panfilova A.M.* Formirovanie rabocheho klassa SSSR v gody pervoi pyatiletki. M.: Izd-vo MGU, 1964. 176 s.
11. *Vdovin A.I., Drobizhev V.Z.* Rost rabocheho klassa SSSR. 1917–1940 gg. M.: Mysl', 1976. 264 s.
12. *Shkaratan O.I.* Problemy sotsial'noi struktury rabocheho klassa SSSR (Istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie). M.: Mysl', 1970. 472 s.
13. *Moskovskii A.S.* Rost kul'turno-tekhicheskogo urovnya rabochikh Sibiri. 1920–1937 gg. Novosibirsk: Nauka, 1979. 349 s.
14. *Bikmetov R.S.* Ispol'zovanie spetskontingenta v ehkonomie Kuzbassa (1929–1956). Kemerovo: Kuzbas. gos. tekhn. un-t, 2009. 430 s.
15. *Isaev V.I.* Kommuna ili kommunalka. Izmeneniya byta rabochikh Sibiri v gody industrializatsii. Novosibirsk: Nauka, 1996. 172 s.
16. *Osokina E.A.* Ierarkhiya potrebleniya. O zhizni lyudei v usloviyakh stalinskogo snabzheniya. 1928–1935. M.: Izd-vo MGOU. 1993. 144 s.
17. *Isaev V.I.* Byt rabochikh Sibiri. 1926–1937 gg. Novosibirsk: Nauka, 1988. 241 s.
18. *Osokina E.A.* Za fasadom «stalinskogo izobilya». M.: ROSSPEHN, 2008. 267 s.
19. *Bukin S.S., Isaev V.I.* Zhilishchnaya problema v gorodakh Sibiri (1920–1960-e gody). Novosibirsk: Parallel', 2009. 197 s.
20. *Meerovich M.G.* Rozhdenie i smert' zhilishchnoi kooperatsii. Zhilishchnaya politika v SSSR 1924–1937 gg. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. tekhn. un-ta, 2004. 272 s. *On zhe.* Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi. 1917–1937. M.: ROSSPEHN, 2008. 300 s.
21. *Makarova N.N.* «V kotle industrializatsii»: povsednevnyaya zhizn' Magnitogorska (1929–1941). Magnitogorsk: Dom pečati, 2014. 432 s.; *Ona zhe.* Magnitogorsk kak sotsiokul'turnyi proekt sovetskoi vlasti v 1930–1950-e gg. Magnitogorsk: Dom pečati, 2021. 532 s.
22. *Korovin N.R.* Osobennosti industrializatsii Rossii v 1930-e gody i ikh sotsial'nye posledstviya // Vestnik Ivanovskogo gos. un-ta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2008. Vyp. 4. S. 33–42; *Kim M.YU., Kuzoro K.A.* Sotsial'naya politika sovetskoi vlasti v 1930-e gody v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2010. № 5 (334). S. 64–67; *Fadeev L.A.* Rossiiskaya istoriografiya sotsial'nykh

-
- аспектов советской индустриализации в годы первых пятилеток // *Экономическая история*. 2013. № 2. С. 56–62.
23. *Badmaeva E.N.* Nizhnee Povolzh'e: opyt i itogi realizatsii gosudarstvennoi politiki v sotsial'no-ekonomicheskoi sfere (1921–1933 gg.). Ehlista: NPP «DzhangaR», 2010. 544 s.; *Grik N.A.* Sovetskaya ekonomicheskaya politika v 1921–1933 gg. (kriticheskii analiz). Tomsk, 2002. 334 s.; *Ilyukhov A.A.* Kak platili bol'sheviki: politika sovetskoii vlasti v sfere oplaty truda. 1917–1941 gg. M.: ROSSPEHN, 2010. 415 s.; *Korovin N.R.* Industrializatsiya SSSR v 1930-e gody. Ivanovo, 2001. 91 s.
24. *Zhilina I.V.* Sotsial'naya politika Sovetskogo gosudarstva v 1930-e gody KHKH veka: na materialakh Srednego Povolzh'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Penza, 2005; *Iminokhoev A.M.* Istoriya povsednevnosti i dinamika kachestva zhizni gorodskogo naseleniya Verkhneudinska/Ulan-Udeh v 1920–1930-e gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Udeh, 2008; *Kim M.YU.* Sovetskaya sotsial'naya politika v usloviyakh industrializatsii (1931–1941 gg.): na materialakh Karagandinskogo ugol'nogo basseina: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk. 2009; *Leont'eva L.A.* Sotsial'naya politika Sovetskogo gosudarstva i ee realizatsiya na Yuzhnom Urale (1934–1940 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2012; *Semenova A.YU.* Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie rabochikh tsenzovoi promyshlennosti Vyatskoi gubernii/Kuibyshevskoi oblasti v 1928–1932 gg. Kirov. 2012; *Tyurin A.O.* Sotsial'naya politika sovetskoii vlasti v 1928–1941 gg.: na materialakh Nizhnego Povolzh'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Astrakhan', 2003.

Статья принята к публикации 2.10.2023/
The article has been accepted for publication 2.10.2023.

Информация об авторе:

Виктор Иванович Исаев, заведующий сектором истории социально-экономического развития, доктор исторических наук, профессор

Information about the authors:

Viktor Ivanovich Isaev, Head of the Sector of History of Socio-economic Development, Doctor of Historical Sciences, Professor

